

ПРОРЫВ АФГАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В МИРОВУЮ ЛИТЕРАТУРУ

А.С. ГЕРАСИМОВА

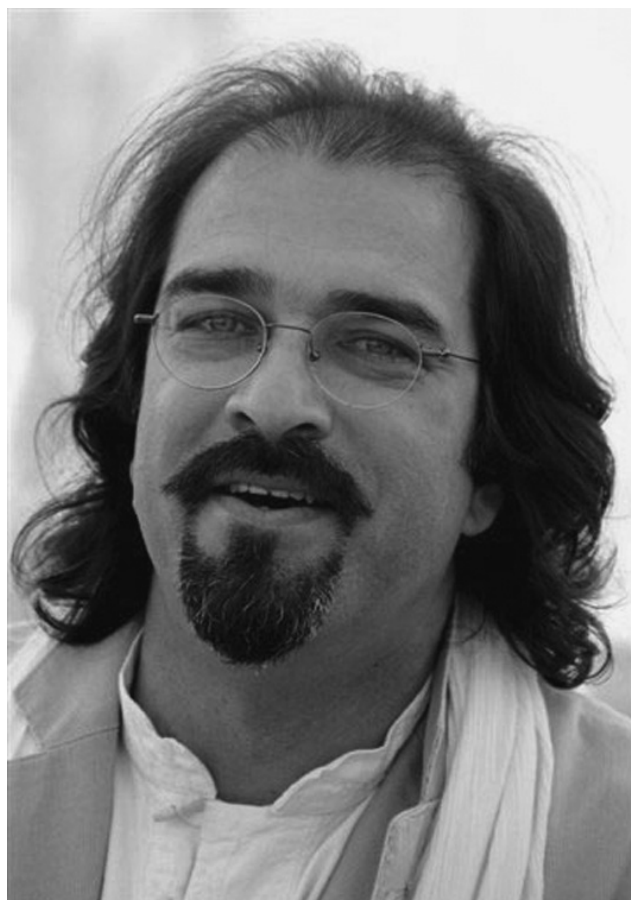
Кандидат филологических наук

Ключевые слова: афганский роман, афганские писатели-эмигранты

В 2008 г. появилось новое значительное произведение, созданное афганцем Атиком Рахими на французском языке и получившее высшую литературную награду Франции - Гонкуровскую премию.

Автор родился и учился в Кабуле, во французском лицее «Истиклаль». После ввода советских войск в Афганистан эмигрировал в Пакистан; там во французском консульстве в 1985 г. получил въездную визу во Францию, где живет и работает по сей день, имея двойное гражданство. Атик Рахими известный профессиональный литератор, сценарист и кинорежиссер. Сначала он писал на родном языке фарси, сам переводил на французский и публиковал свои произведения в Париже. До получения премии Атиком Рахими опубликованы: «Terre et cendres»¹ («Земля и пепел»), «Les mille maisons du rêve et de la terreur»² («Тысяча домов мечты и ужаса»), «Le Retour imaginaire»³ («Воображаемое возвращение»). Роман «Земля и пепел» автор превратил в сценарий, сам поставил и снял по нему кинофильм, который получил специальный приз Каннского кинофестиваля. По словам А.Рахими, это произведение стало его протестом против мирового сообщества, которое не обращает внимания на страдания народов Афганистана.

Роман, удостоенный Гонкуровской премии, называется «Syngué sabour. Pierre de patience»⁴ («Камень терпения»). На последней странице обложки автор дает пояснение к названию романа: «Syngué



Атик Рахими

sabour (по-персидски *syngué* «камень» и *sabour* - «терпение»). В персидской мифологии речь идет о магическом камне, который «помещают перед собой, чтобы изливать на него свои несчастья, страдания, горести, разочарования... Ему доверяют всё, что не осмеливаются открыть другим людям... И камень слушает, впитывает, как губка, все эти слова, все секреты до тех пор, пока в один прекрасный день он не взрывается. В этот день наступает освобождение».

Следует заметить, что точно под таким же названием «Санге сабур» («Камень терпения») (букв. - камень терпеливый) в 1967 г. в Тегеране был опубликован роман очень известного современного иранского писателя Садека Чубака (1916-1998). В 1981 г. он был переведен на русский язык и издан в Москве. В предисловии к этому изданию говорится, что название романа «восходит к образу известной персидской сказки, повествующей о человеке, которого терзает горе и который рассказывает о нем терпеливому камню. ... Стоит герою произнести "Камень терпеливый, камень терпеливый, ты терпелив, и я терпелив, либо ты расколешься, либо я расколюсь», и либо погибает герой, либо раскалывается камень, и тогда появившаяся из него искупительная капля крови помогает герою добиться желаемого»⁵.

О к о н ч а н и е. Начало см.: Азия и Африка сегодня. 2011, № 9.

У А.Рахими камнем терпения оказывается раненый мужчина, находящийся в коме, которому раскрывает свою душу молодая женщина, его жена. «Я уверена, что ты можешь меня слышать и понимать. Для этого ты жив: Для меня и моих секретов... Ты будешь таким магическим камнем для меня»⁶.

Возможно, поэтому А.Рахими избрал эпиграфом к своему роману слова известного французского литератора Антонена Арто (1896-1948):

*«Из тела, сквозь тело, вместе с телом,
Начиная с тела и кончая телом».*

А.Арто - яркий представитель контркультуры, который остро переживал невыразимость литературой темной жизни «тела».

Томление молодого женского тела и сексуальная жизнь героини занимают большое место в ее исповеди. «Да, тело - вот наше откровение» (с.148) - в этом ее кредо. А бесчувственное, бессознательное, бессловесное тело мужчины вполне подходит для функции «камня терпения».

У С.Чубака же нет такого конкретного объекта, которому адресуются высказывания-монологи персонажей. Им является вся атмосфера жизни героев романа, людей дна. Концовка обоих произведений одинакова - их герои гибнут, они обречены. Хотя у А.Рахими «камень терпения» будто «взрывается», мужчина выходит из комы, встает и убивает жену, ей удается последним усилием воли вонзить кинжал в сердце мужа. Несмотря на то, что «камень терпения» взрывается, искупительной капли крови (как предполагает легенда) не появляется, и герои гибнут. Женщина у Рахими, обретая по мере исповеди постепенное освобождение от тяготивших ее установлений религии и традиционной морали, находит окончательное освобождение лишь в смерти.

Произведения А.Рахими и С.Чубака сближает одно и то же название и трагическое завершение судеб героев. Думается, что к общим чертам можно отнести и влияние эстетики экзистенциализма. В романе С.Чубака оно значительно и сказывается на изломанности сюжета, на разомкнутом, потрясенном бытием болезненным сознании героев, на хаотическом восприятии ими жизни. В книге Рахими это влияние можно заметить лишь в идее одиночества, разобщенности людей. Героиня бесконечно одинока, сидит у бесчувственного тела раненого мужа, и никто не приходит к ней на помощь, никто не разделяет ее горя. Даже когда она вынуждена отлучиться в аптеку за лекарством для мужа, ее никто не подменяет, и больной мужчина остается один в комнате.

Архитектоника романов совершенно различна: у С.Чубака - это цикл развернутых внутренних монологов основных персонажей. У А.Рахими - один развернутый внутренний монолог, поток сознания, изредка перебиваемый реальными событиями «on line». Различна также художественная ткань повествований, авторский стиль письма.

Романы С.Чубака и А.Рахими разделяют более сорока лет. За это время в мировой литературе имело место много различных литературных и фило-

софских направлений, течений; неудивительно, что каждый из авторов, являясь продуктом своего времени, избрал для своих произведений наиболее близкую ему художественную форму.

А.Рахими, кроме процитированного эпиграфа, снабдил свой роман и посвящением: *«Это повествование написано в память Н.А. (N.A.) - афганской поэтессы, зверски убитой собственным мужем, посвящается М.Д. (M.D.)»* Упоминание о реальном факте убийства задает трагическую тональность дальнейшему рассказу.

Композиция романа достаточно сложна. Женщина не излагает события в хронологической последовательности. В ее исповедь постоянно врываются реалии сегодняшнего дня: то дети заплачут за стеной, то придет мулла, порой дом содрогается от взрыва бомбы, порой она обвиняет Всевышнего, порой же сама творит молитву. Однажды в ее отсутствие приходят мародеры и забирают то небольшое ценное, что есть в комнате - часы мужа и Коран.

Атик Рахими с самых первых фраз помещает читателя в небольшое пространство, где происходит действие, и множеством точных художественных деталей создает атмосферу неблагополучия, болезни и необычности ситуации. Здесь же и портреты главных героев.

«Комнатенка тесная. Прямоугольник. Она давит. Хотя стены светлые, голубовато-зеленые, а на обеих шторах вышиты перелетные птицы, так и застывшие с распахнутыми крыльями в желтом и синем небе. Шторы все в дырках, сквозь них проникают солнечные лучи, угасающие в выцветших узорах восточного тканого ковра. В глубине комнаты видна еще одна занавеска. Зеленая. На ней ничего не вышито. Она прикрывает заколоченную дверь. Или, может быть, чулан.

Комната пуста. Никакой мебели нет. Только в простенке, разделяющем два окна, висит маленький ятаган, а над ним фотография мужчины с усами. Ему, наверно, лет тридцать. Курчавые волосы. Лицо квадратное, сжатое с двух сторон аккуратно подстриженными бакенбардами. Черные глаза блестят. Они маленькие, а нос между ними похож на орлиный клюв. Мужчина не смеется, но вид у него такой, словно он сдерживает смех. Из-за этого на лице застыло странное выражение, как будто в душе он насмехается над тем, кто на него смотрит...

Напротив этой фотографии, вплотную к стене, тот же самый мужчина, только постаревший, лежит на красном матрасе, положенном прямо на пол. У него борода. Цвета перца с солью. Он исхудал. Слишком. Кожа да кости. Бледный. Одни морщины. Нос еще сильнее напоминает орлиный клюв. Он по-прежнему не смеется. А на лице все еще застыла та же странная насмешливая гримаса. Рот полуоткрыт. Глаза, ставшие еще меньше, совсем ввалились. Взгляд устремлен в потолок, туда, где чернеют обнажившиеся подгнившие балки. Руки, неподвижные, лежат вдоль тела. Сквозь истончившуюся кожу видно, как его вены одышливыми червя-

ми оплетают выпирающие кости. На левом запястье у него механические часы, а на безымянном пальце золотое обручальное кольцо. В ложбинку на сгибе правой руки вставлен катетер, через него вливается в тело бесцветная жидкость, поступающая из пластиковой кружки прямо над головой. Все остальное прикрыто длинной белой рубашкой с вышитым воротом и рукавами. На ступни, уродливые, как два деревянных обрубка, наброшена грязная белая простыня» (с. 13-15).

Видимо, кинематографическое художественное мышление А.Рахими определило именно такой стиль письма. Его текст похож на режиссерский киносценарий с готовой раскадровкой. Будто камера дает крупным планом лицо раненого мужчины, подробно фиксируя все его части и сравнивая с фотографией на стене, затем спускается, показывая руки, тело, ноги. Получается яркая зримая картинка. Кинематографический прием удачно переносится в другую сферу искусства - литературу и усиливает воздействие на читателя.

Я прибегла к такой длинной цитате из желания показать особенности стиля писателя, его авторскую пунктуацию, пристрастие к подробностям и деталям. К тому же предметы, находящиеся в комнате, где лежит больной, окажутся значимыми и необходимыми в концовке романа.

Кроме больного, в этом же ограниченном пространстве находится женщина, наблюдающая и ухаживающая за больным. Перо автора так же подробно останавливается на внешности героини, ее одежде, движениях. «Женщина красива. В уголке ее левого глаза маленький шрам, он слегка суживает разрез глаз и придает взгляду странное, тревожное выражение. Губы, чувственные, сухие и бледные, неохотно бормочут одну и ту же молитву» (с. 13).

У героини длинные черные волосы. Одна рука покоится на груди мужчины, а в другой она держит четки, на которых отсчитывается каждый вздох больного. Отныне вся ее жизнь подчинена ритму его дыхания; им же измеряется и время: «...мой день равен девятидесяти девяти перекидываниям бусин на четках...Могу сказать тебе, что мне осталось перекинуть еще пять бусин до того, как мулла начнет свой призыв на полуденный намаз и примется читать хадисы» (с. 18).

Ее собственное дыхание приспособилось к его ритму. Уже 16 дней продолжается эта мука. Она ждет хоть какого-либо знака от мужчины, надеется, что он хотя бы слышит ее. Но тщетно: ни малейшего движения, никакого знака, ни единого звука. В отчаянии она кричит: «Я не могу больше так! Аллах, помоги мне!»

По мере того как женщина рассказывает о своей жизни, своих страхах, секретах и тайнах, она как бы переживает вновь все эти события, и постепенно освобождается от гнета замужества, от религиозных догм, отживших традиций и суеверий. С ее плеч понемногу спадает бремя тревог, бед и страстей, которые ей довелось испытать. В детстве она страдала от

деспотизма отца. Когда подросла, ее заочно выдали замуж за героя войны. На свадьбе присутствовала лишь его фотография: «...представь, почти год ходить в невестах и три года быть замужней женой человека, которого никогда нет, это не так уж просто! Я жила с твоим именем. Я тебя даже никогда не видела, не слышала, не касалась до этого. Я боялась, всего боялась, тебя, постели, крови. Но этот страх ведь я и любила» (с. 39). Действительно, это ложное положение - тяжелое испытание для молодой женщины. Из десяти лет замужества вместе они прожили всего три года. За время его пребывания на фронте ей многое пришлось испытать: тиранию свекрови, ненавидевшей невестку из-за ее «бесплодия»*, одиночество, незащищенность, предательство, домогательство братьев мужа и многое другое. «Ты же был на фронте. Ты сражался во имя свободы, во имя Аллаха. Это оправдывало всё. Это давало мне надежду и гордость» (с. 64).

Женщина при всех своих страданиях и бедах ждала и надеялась на возвращение мужа. Однако судьба уготовила ей последнее испытание. Она осталась один на один с полуживым мужем. Все соседи и родственники покинули этот квартал Кабула как наиболее опасный при обстреле.

Уже одно это обстоятельство свидетельствует о недюжинной смелости и самоотверженности героини. Она ухаживает за раненым, меняет капельницы, обтирает его, прислушивается к его дыханию, беспрестанно повторяет слова молитвы. И ей кажется, что ее беспомощный муж находится в лучшем, чем она положении: «Так тебе даже не больно?! Тебе никогда не бывает больно!.. Я еще не слышала, чтобы кто-то мог жить с пулей в затылке! У тебя даже крови нет... Тебя даже раненого не проймешь!.. А вот я должна страдать! Я должна плакать!» (с. 31).

Несмотря на тяжелый труд и страдания женщины, ее осуждает мулла. Он считает, что воин не возвращается к жизни, потому что героиня плохо за ним ухаживает. Она же мечется: то ропщет на Всевышнего, то просит у Бога прощения. Однако продолжает искреннюю исповедь, открывая все свои секреты, в том числе тайну рождения детей, сообщив, что муж не является их отцом. Оказалось, что бесплоден мужчина, а не героиня.

Видимо, это признание оказало столь сильное воздействие на почти безжизненного мужа, что он встал. История приближается к развязке. «О... о чудо! О Воскресение! - лепечет она севшим от ужаса голосом. - Я знала, что мои секреты вернут тебя к жизни, ко мне. Я знала это... Муж притягивает ее к себе, хватая за волосы и силой швыряет об стену головой... «Мой камень терпения прорвало!»... «Наконец я избавлюсь от мук!».

Он... снова грубо хватая жену, поднимает ее и швыряет в тот простенок, где висят фотография и

* В менталитете афганцев бесплодная женщина порочна, считается позором семьи; в этом случае мужчина, как правило, берет вторую жену.

ятаган. Подходит, берет за волосы и поднимает... Голова ее касается висящего ятагана. Рукой она снимает его со стены. Издает вопль. И вонзает мужу в сердце. Кровь оттуда не брызжет, ни капли.

Он... умелым быстрым движением ломает ей шею.

Женщина выдыхает.

Мужчина вдыхает.

Женщина закрывает глаза.

Мужчина стоит с блуждающим взглядом.

В дверь кто-то стучит.

Мужчина с сердцем, пронзенным ятаганом, идет и ложится на матрас, положенный вдоль стены, напротив своей фотографии.

Женщина алая. Алая от собственной крови.

В дом кто-то входит.

И снова женщина медленно открывает глаза.

Над ее телом проносится легкий ветерок, от которого перелетные птицы взмахивают крыльями; кажется, они вот-вот взлетят» (с. 148-149).

Такова концовка горестного повествования о судьбе молодой афганской женщины, жертве религиозных установлений, диких обычаев и предрассудков, а главным образом - многолетней гражданской войны в Афганистане.

Роман Атика Рахими, высоко оцененный литературной общественностью Франции, является новым завоеванием литературы Афганистана. «Камень терпения» - первое произведение автора, написанное на французском языке. По признанию писателя, по-французски писать ему было очень трудно, он спал в обнимку со словарем *Rober*. «Нелегко писать на иностранном языке, - признается писатель. - Перевести одну фразу - это значит перевести целую культуру, потому что одно слово содержит в себе некую тайну»⁷.

Но усилия стоили того - Гонкуровская премия и широкая франкофонная читательская аудитория стали для него наградой. Роман А.Рахими отличается глубоким психологизмом. Автору удалось проникнуть в самые потаенные уголки души страдающей афганской женщины и очень тонко и умело поведать о них читателю. Автор оправданно детализирует описание пространства, в котором происходит действие. Висящие на стене кинжал, фото, а также занавески на окнах, на чем заостряется внимание на первых страницах, оказываются необходимыми и значимыми предметами в концовке романа. Однако писателя нельзя упрекнуть в бытописательстве, вещизме, излишней детализации. В романе нет ничего лишнего, скорее, он лаконичен, чем грешит избыточностью информации. В этом небольшом произведении (150 с.) такая глубина, так всё сосредоточено на раскрытии главного, что каждое слово, каждая художественная деталь точно играют предназначенную им роль. «Камень терпения» - вполне современный психологический роман. Несмотря на то, что он написан на французском языке, создать такое произведение мог только афганец, хорошо знающий уклад жизни афганской семьи, ее обычаи и традиции,

а также реалии современной действительности своей страны. Вряд ли возможно не включить сочинение А.Рахими в корпус национальной литературы Афганистана.

Современную литературу Афганистана пополнил и роман на русском языке. Речь идет о романе Хайдар Шаха «Шелковый путь»⁸. Мне уже довелось интерпретировать это произведение на страницах нашей периодики⁹. Напомню лишь, что автор не профессиональный литератор. Он получил высшее юридическое образование в Москве. Долгие годы после эмиграции в Россию перебивался случайными заработками. В настоящее время работает на «Радио России». В 2010 г. в Москве вышел сборник его рассказов «Хоб дар бидари»¹⁰ («Сон наяву») на родном языке дари.

Его роман повествует о событиях времен правления шаха Махмуда Газневи (970-1030), хотя и не претендует на подлинную историчность. Он эклектичен по форме, включает в себя и элементы мистики, и философичные рассуждения, и отголоски старинных легенд. Произведение это целиком лежит в рамках национальной традиционной афганской литературы, до сих пор нередко страдающей дидактизмом. В художественном отношении «Шелковый путь» уступает произведениям Х.Хоссейни и А.Рахими. Он не мог получить такого мощного общественного резонанса, как романы вышеназванных авторов. Его тираж всего 500 экземпляров. И все же следует приветствовать появление такого романа на русском языке. Целью Хайдар Шаха было показать, что его народ имеет богатую и славную историю и культуру, и таким образом изменить образ афганца, созданный СМИ, как террориста и наркодельца. Думается, что своей цели автор достиг.

Теперь мы с полным правом можем констатировать, что литература Афганистана на рубеже столетий и в первое десятилетие XXI в. совершила прорыв в своем развитии, сформировав за короткое время крупную нарративную форму - роман - позволяющую полно и ярко отразить национальное бытие во всем многообразии его проявлений. Появление романов на инонациональных языках значительно расширило читательскую аудиторию этой литературы, познакомив многие народы с национальной жизнью и культурой народов Афганистана.

¹ *Rahimi A. Terre et cendres. Paris, P.O.L., 2000.*

² *Rahimi A. Les mille maisons du rêve et de la terreur. Paris, P.O.L., 2002.*

³ *Rahimi A. Le Retour imaginaire. Paris, P.O.L., 2005.*

⁴ *Rahimi A. Syngué sabour. Pierre de patience. Paris, P.O.L., 2008.*

⁵ *Чубак Кадек. Камень терпения. М., Наука, 1981, с. 5.*

⁶ *Рахими Атик. Сингэ Сабур. Камень терпения. (Пер. с фр. и послесл. Д.Савосина). М., Текст, 2010, с. 86.*

⁷ *Ахбар ал-Адаб, 16.11.2008.*

⁸ *Хайдар Шах Хайал. Шелковый путь. М., 2007.*

⁹ См.: *Герасимова А. Первый афганский роман на русском языке // Азия и Африка сегодня, 2009, № 11.*

¹⁰ *Хайдар Шах Хайал. Хоб дар бидари. М., 2010.*